УТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК ДАНИИЛ ХАРМС

ВАЛЕРИЯ БЕЛОНОГОВА

ДЕКОМ

ББК 84(2)6
УДК 929
Серия «Имена». Основана в 1996 году.
Автор проекта и главный редактор серии *Я. И. Гройсман.*

Б43 **БЕЛОНОГОВА В. Ю. Утренний человек Даниил Хармс**
Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2020. – 240 с. (серия «Имена»)

ISBN 978-5-89533-448-5

Книга «Утренний человек Даниил Хармс» приурочена к 115-летнему юбилею выдающегося представителя литературного авангарда XX века. Короткий взлет литературной группы ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), вдохновителем которой был Хармс, стал последней яркой вспышкой русского авангарда начала прошлого века.

В книге рассказывается о творчестве и судьбе художника-новатора в условиях нарастающего идеологического прессинга на деятелей искусства в 1930-е годы. Она адресована широкому читателю. Её отличает не только легкий и динамичный стиль повествования, но и совершенно неординарный стиль оформления, созвучный эпохе двадцатых-тридцатых годов. В книге много юмора и печали, забавных историй и эпизодов из жизни героя.

Автор благодарит профессора Нижегородской консерватории
имени М. И. Глинки, доктора искусствоведения,
музыковеда *Тамару Николаевну Левую*
за ценные советы при подготовке книги.

Охраняется законом Российской Федерации об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателей. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-89533-448-5

© Белоногова В., автор, 2020
© Издательство ДЕКОМ, составление, оформление, дизайн серии, 2020
© Жезляев Д., дизайн, 2020

1905, 17 (30) декабря – в Санкт-Петербурге в семье бывшего революционера-народовольца Ивана Павловича Ювачева (1860–1940) и его жены Надежды Ивановны (1869–1929) родился сын Даниил.

1915, сентябрь – Даниил поступил в первый класс реального училища.

1922, июль (?) – первый автограф «D. Ch» (то есть Daniel Charms) – под стихотворением.

1 сентября – переехал к тетке в Детское Село. Поступил в третий класс единой трудовой школы.

1923, весна – написаны первые из дошедших до нас стихов: «Скоро ль шаровары позовут татарина...» и однострок «Задам по задам за дам».

1924, весна – знакомство с будущей женой Эстер Русаковой.

Июль – окончание школы, возвращение в Ленинград.

Осень – начал выступать с чтением своих и чужих стихов в различных залах Ленинграда.

1925, март–апрель – знакомство с А. Туфановым, Я. Друскиным, А. Введенским, Л. Липавским.

Декабрь – создание литературной группы «Левый фланг».

1926, 26 марта – принят в Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов.

21 сентября – сотрудничество с театральным коллективом «Радикс».

12 октября – встреча с К. Малевичем в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУКе).

24 ноября – составил и подарил тётке Н. Колюбакиной рукописный сборник («Комедия города Петербурга», «Ваньки-встаньки», «Конец героя»).

Вторая половина года – первая публикация – стихотворения «Чинарь-взиральник (случай на железной дороге)» в сборнике ЛО ВСП.

1927, начало января – создание рукописного сборника «Чинарь Даниил Иванович Хармс. Управление вещей. Стихи малодоступные» с авторским предисловием.

9 января – выступление поэтов «Левого фланга» (позднее – Академия левых классиков) в «Кружке друзей камерной музыки».

Вторая половина года – вышел сборник с последним опубликованным при жизни автора «взрослым» стихотворением Хармса «Стих Петра Яшкина».

Октябрь – директор Дома печати Н. Баскаков предложил «Академии левых классиков» стать официальной секцией Дома печати под названием ОБЭРИУ («Объединение реального искусства»).

1928, 24 января – участие в вечере «Три левых часа», ставшем, по сути, презентацией ОБЭРИУ.

Февраль – вышел первый номер журнала для детей «Ёж» с произведениями Хармса «Иван Иваныч Самовар» и «Озорная пробка».

5 марта – женитьба на Эстер Русаковой.

29 сентября – выступление с декларацией ОБЭРИУ после вечера Маяковского в Капелле.

25 декабря – постановка пьесы Хармса и Бахтерева «Зимняя прогулка» в Доме печати.

1929, март – в «Государственном издательстве»(ГИЗ) вышла детская книга Хармса «Иван Иваныч Самовар».

Даниил Ювачев

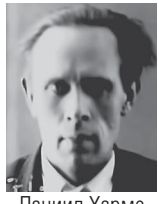

Наталья Колюбакина

Яков Друскин

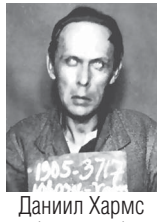

Эстер Русакова

Александр Введенский

Марина Малич

Даниил Хармс
(1-й арест)

Иван Ювачев

Даниил Хармс
(2-й арест)

Тюрьма
«Кресты»

Ноябрь – в ГИЗе вышли детские книги Хармса «О том, как старушка чернила покупала» и «О том, как Колька Панкин летал в Бразилию».

1931, апрель – в издательстве «ОГИЗ – Молодая Гвардия» вышла детская книга Хармса «Миллион».

10 декабря – арестован сотрудниками ОГПУ.

11 декабря – 13 января 1932 г. – допросы в ОГПУ.

21 марта – приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года.

1932, 18 июня – благодаря хлопотам отца выпущен из предварительного заключения. Концлагерь заменен высылкой («минус двенадцать») в Курск.

12 октября – вернулся из ссылки в Ленинград.

Конец года – развод с Эстер Русаковой.

1933, август – знакомство с будущей женой Мариной Малич.

1934, 16 июля – зарегистрирован брак с Мариной Малич.

1936, 3 апреля – произнес речь на дискуссии о формализме в Союзе писателей.

Весна – перевел с немецкого книгу В. Буша «Плих и Плюх» (печаталась в журнале «Чиж»).

1937, март – в журнале «Чиж» опубликовано стихотворение «Из дома вышел человек...», после которого Хармса не печатали в течение года.

Весна – осень – тяжелое финансовое положение, голод.

Июль – издательство «Детгиз» отдельным изданием выпустило книгу «Плих и Плюх».

1938, 29 сентября – 5 декабря – лежал в нервно-психиатрическом диспансере Василеостровского района. Выписан с диагнозом «шизофрения».

1940, 7 мая – умер отец Хармса И. П. Ювачев.

1941, 10 июня – написано последнее из дошедших до нас произведений Хармса – рассказ «Реабилитация».

23 августа – арестован сотрудниками УНКВД ЛО: «Ювачев-Хармс Д. И. контрреволюционно настроен, распространяет в своем окружении клеветнические и пораженческие настроения».

25 августа – в соответствии с решением о назначении психиатрической экспертизы, переведен в психиатрическое отделение при тюрьме № 2.

10 сентября – комиссия дала заключение: «...Ювачев-Хармс Даниил Иванович страдает душевным расстройством в форме шизофрении. Заболевание давнее, предсказание неблагоприятное. Как душевнобольной, Ювачев-Хармс в инкриминируемом ему деянии является не ответственным, т. е. невменяемым, и подлежит лечению в психиатрической больнице».

22 октября – переведен из больницы в тюрьму.

7 декабря – военный трибунал ЛВО постановил: «Ввиду того, что согласно заключения судебно-психиатрической экспертизы от 10/IX-41 г., обвиняемый Ювачев-Хармс признан душевнобольным и невменяемым в инкриминируемом ему обвинении, но по характеру совершенного им преступления он является опасным для общества, руководствуясь ст. II УК РСФСР, Ювачева-Хармс направить в психиатрическую лечебницу до его выздоровления, и дело возвратить в I Спецотдел УНКВД ЛО».

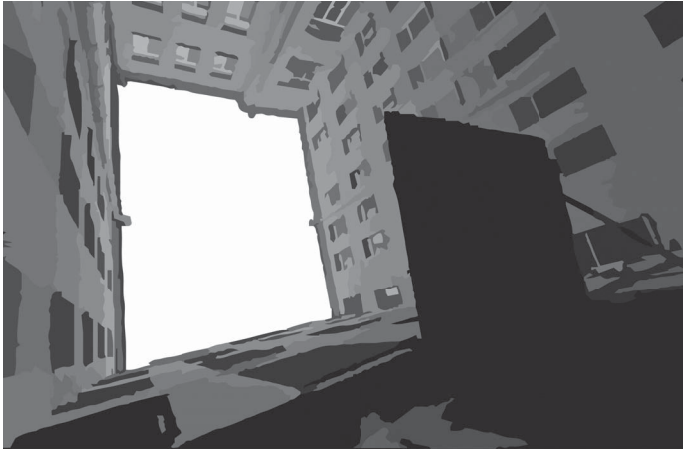
Середина декабря – помещен в психиатрическое отделение тюремной больницы при «Крестах» (тюрьма № 1).

1942, 2 февраля – Даниил Хармс скончался в тюремной больнице.

По материалам сайта http://www.d-harms.ru

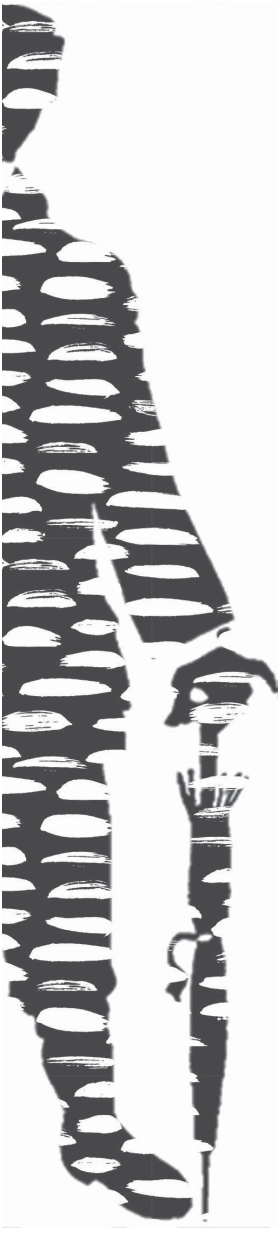
ВСТУПЛЕНИЕ

Хармс в истории русской литературы – случай особенный. Многие считают его чересчур трудным, элитарным автором. А кто-то заметил, что его почитают, но мало читают. О нем уже много написано, опубликованы не только его проза и стихи, но и дневники. И все-таки вокруг него тьма неясностей. Что касается его «взрослых» стихов и прозаических миниатюр – понять многие из них до конца, кажется, вообще невозможно. Хотя по прочтении их и возникает ощущение цельного законченного высказывания, причем о чем-то как будто смутно знакомом. А еще возникает ощущение края, некоей границы, за которой неизвестность. И, как всегда бывает на границе, то, что «до», и то, что «после», – перемешиваются. Реальное и нереальное, уморительно смешное и слишком серьезное, даже страшноватое.

Виктор Шкловский, который познакомился с Хармсом и его друзьями в 1920-е годы, сравнивал эту пору в российской культуре с итальянским Ренессансом. А говоря о тогдашних «новых авторах», называл их не просто молодыми людьми, но людьми «утренними». «Утренние люди» – хорошо сказано. Только вот «утро» послереволюционного воодушевления и художественного поиска двадцатых, «относительно вегетарианских», годов быстро закончилось. Солнце перевалило через зенит и покатилось к закату. Подступали сумерки, годы жесткого прессинга власти в отношении людей искусства, устранения всего инакомыслящего и инакочувствующего. Вот что выпало на долю художников-новаторов. И все-таки Хармс продолжал строить свой странный, порой жуткий, но полный пульсирующей жизни и неподражаемого юмора художественный мир. Он повлиял на последующие поколения писателей и читателей. И мы продолжаем этот его мир постигать. Каждый по-своему.

Когда-то много лет назад мы, четверокурсники Ленинградского университета, пришли в КСП (так назывались клубы модной в те времена бардовской, или самодеятельной песни) на Петроградской стороне. В гостях у питерских единомышленников был в тот вечер московский бард Александр Мирзаян – инженер-физик, поэт, композитор, впоследствии теоретик авторской песни и телеведущий. Необычность этого концерта состояла в том, что собственно бардовского было немного. Московский гость с гитарой в руках исполнил несколько своих и чужих песен, в том числе на стихи Даниила Хармса, а потом, забыв о гитаре, долго рассказывал об этом мало еще кому тогда известном поэте двадцатых-тридцатых годов. И читал его стихи. Он говорил о нем так ярко и увлеченно, что затянувшийся вечер все не кончался, а слушатели все не расходились.

Даниил Хармс. Силуэт Б. Семенова, 1930-е. Фрагмент

Мы вышли из зала взволнованные и буквально «заряженные» ритмами необычных стихов Хармса. Таких «музыкальных» и заразительных, что, мне кажется, мы «под них» так и шагали потом по Большому проспекту до метро.

НЕСЧАСТНАЯ КОШКА ПОРЕЗАЛА ЛАПУ,
СИДИТ И НИ ШАГУ НЕ МОЖЕТ СТУПИТЬ.
СКОРЕЙ, ЧТОБЫ ВЫЛЕЧИТЬ КОШКИНУ ЛАПУ,
ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ НАДО КУПИТЬ
И СРАЗУ СТОЛПИЛСЯ НАРОД НА ДОРОГЕ,
ШУМИТ И КРИЧИТ И НА КОШКУ ГЛЯДИТ.
А КОШКА ОТЧАСТИ ИДЕТ ПО ДОРОГЕ,
ОТЧАСТИ ПО ВОЗДУХУ ПЛАВНО ЛЕТИТ

В стихах и миниатюрах Хармса летали не только кошки, но и люди – запросто. И не такие еще чудеса происходили. Мирзаян рассказывал и об этом.

Хармс долго потом «не отпускал» нас. Хотя читать его и читать о нем и его друзьях-обэриутах было в те времена особенно еще и нечего. Разве что в самиздате и тамиздате, не всем доступном. Репрессированных авторов станут издавать у нас позже. Постепенно будут появляться публикации воспоминаний о членах литературной группы ОБЭРИУ; начнут печатать их прозу и стихи, сначала детские, потом «взрослые»; начнут публиковать, сначала за рубежом, потом в отечестве, исследования их творчества. Будет ставить свои спектакли по Хармсу Михаил Левитин в московском театре «Эрмитаж». Точно интонированные абсурдистские тексты его станут оживать на сцене. Именно от этих постановок отталкиваясь, будет легко и радостно

думать и писать о Хармсе. Потом пробовать понемногу обращаться к филологическим разборам...

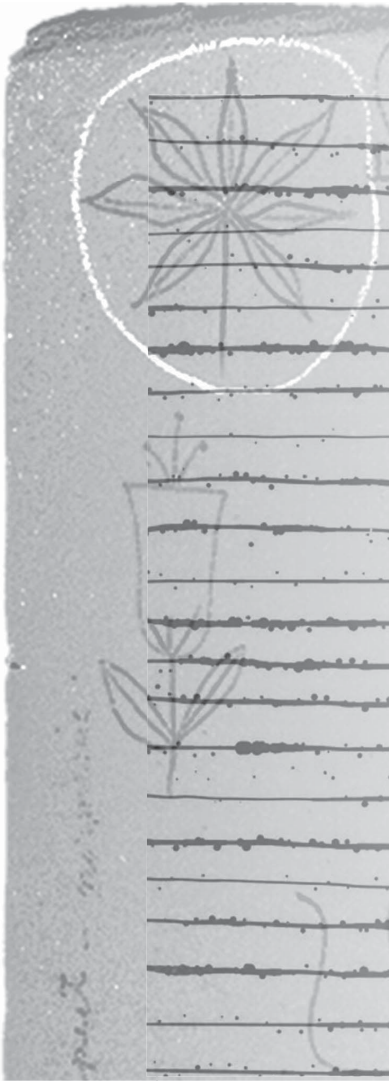
Разумеется, стойкое увлечение времен нашей питерской молодости было увлечением не только и не столько творчеством, сколько самой экстравагантной личностью Даниила Хармса и его яркой и трагической судьбой. Но дело в том, что в этом конкретном случае такой тип увлечения поэтом как раз и был единственно верным.

Кадр из спектакля «Меня нет дома». Режиссер М. Левитин

Минималистские, «черно-белые», аскетичные с точки зрения эстетики тексты Хармса, лишенные не только метафор, но даже часто и прилагательных, казались частью чего-то большего. Возможно, мы уже тогда почувствовали неразделимость стихов с обликом, с поведенческой манерой самого их автора, любившего озадачивать своим видом и поступками окружающих.

Чудак в брюках гольф и гетрах, в котелке или английского вида кепи на голове, в накрахмаленных воротничках и с неизменной трубкой во рту. Он мог, остановившись у газетного киоска, спросить отчетливо и совершенно серьезно: «Скажите, пожалуйста, здесь живет Петр Алексеевич Силантьев?». А как профессионально показывал он фокусы с шариками! А как подчеркнуто вежливо мог раскланиваться с фонарными столбами на Невском! Устраивая маленькие представления, подобные современным перформансам (сто лет назад!), он эпатировал и удивлял знакомых и незнакомых людей на улице. И потом незаметно наблюдал за их реакцией. Так, может, он и был не только

Автопортрет Хармса из письма к А. И. Введенскому

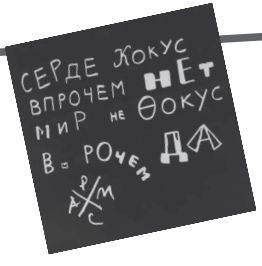

поэтом, но и творцом вот этого особого «художнического» образа жизни, своего собственного образа с особенным и уж точно ни до, ни после неповторимым стилем. Стиль всегда неповторим, как выверенное до мелочей единство внутреннего и внешнего облика человека. Словно отчеканенный тонким пером-стилосом «почерк». Вот этот стиль, воплощаемый и сохраняемый Даниилом Хармсом до последнего вздоха, похоже, и был его главным творением.

Узко-биографическая разновидность книг о выдающихся людях, где жизненные коллизии и перипетии судьбы художника – важнее его творений, известна. Меньше всего хотелось бы создать еще один пример этого жанра. Но дело в том, что «случай» Хармса особенный. Близкий его друг, философ и музыкант Яков

Друскин делил художников на два типа. К первому он относил тех, чье творчество непосредственно как будто бы не связано с их личной жизнью (как в случае с Бахом). А ко второму типу – тех композиторов и писателей, чьи творения настолько тесно связаны с их жизнью, что, не зная ее, мы не поймем и их творений (тут Друскин приводит пример Бетховена и Шёнберга). Хармса он считал ярким представителем этого второго типа. А другой обэриут Александр Введенский так прямо и говорил, что Хармс не создает искусство, а сам есть искусство. Может быть, они как раз и имели в виду этот собственный неповторимый стиль странного поэта. Его главное, так сказать, художественное произведение.

«Полистать» это произведение мы и приглашаем читателей. Итак, в путь... Первая глава нашей книги – о «якобы детской» поэзии Хармса.

Ежедневная запись событий.

Маленькие гладкошёрстные собаки.

Женщины, но только моего любимого типа.

Муравейники.

Палки-прохожие

Вода

Колесо

Метеорология.

Мои интересующие добрые старушки из торгового дома.

Глава первая

Легенда о гамельнском крысолове

Начинать разговор о Даниле Хармсе с его детских стихов – это, наверное, правильно. Именно как детский писатель Хармс стал довольно широко известен в 1930-е годы. «Взрослые» свои вещи он, увы, всю жизнь писал, что называется, в стол, без всякой надежды на опубликование. Его читателями и слушателями были в основном друзья-единомышленники. При жизни автора опубликовано всего лишь два (!) его «взрослых» стихотворения в ленинградских альманахах. И это всё, если не считать несколько публичных выступлений вместе с другими членами

Объединения реального искусства (ОБЭРИУ) на широко практикуемых в конце двадцатых годов прошлого века поэтических вечерах.

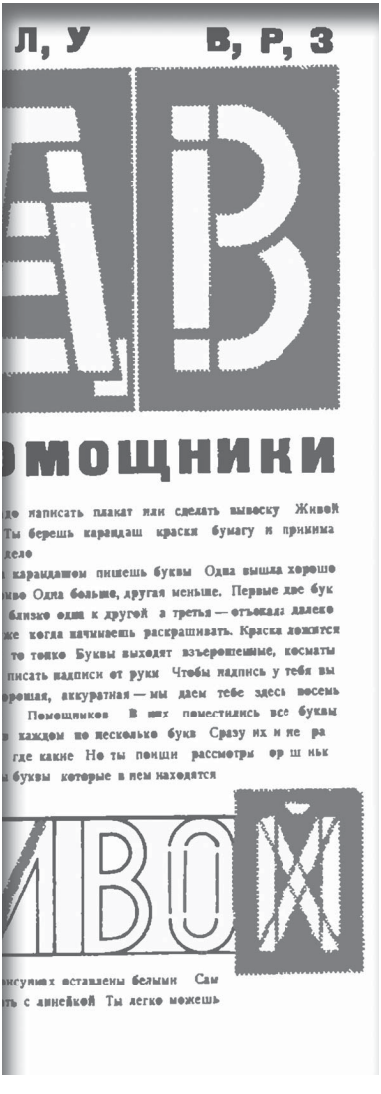
Издание же детских стихов и рассказов худо-бедно, но «кормило» Хармса, являясь для него единственным более или менее стабильным заработком. Это были не только регулярные публикации в детских журналах «Ёж», «Чиж», «Сверчок» и других. Около двух десятков его детских книжек вышли из печати и принесли ему известность, некоторые тогда же были переизданы.

Всё так. Но, положа руку на сердце, надо признать, что и теперь, когда Хармс, и «детский», и «взрослый», довольно широко издается, большинство читающей публики все еще воспринимает его ТОЛЬКО как автора веселых стихов для детей. ...Несправедливо, но начнем все-таки с них. А вдруг, поняв, как устроены его детские стихи, мы приблизимся и к пониманию «непонятного» в творчестве этого странного поэта?

Универсальный трафарет для плакатов от журнала «Чиж»

Л, У
В, Р, З
ОМОЩНИКИ
до написать плакат или сделать вывеску Живой
Ты берешь карандаш краски бумагу и принима
дело
карандашом пишешь буквы Одна вышла хорошо
мво Одна больше, другая меньше. Первые две бук
близко один к другой а третья — отъехала далеко
же когда начинаешь раскрашивать. Краска ложится
то тонко Буквы выходят взъерошенные, косматы
писать надписи от руки Чтобы надпись у тебя вы
рошая, аккуратная — мы даем тебе здесь восемь
Помощников В них поместились все буквы
каждом по несколько букв Сразу их и не ра
где какие Но ты прежде рассмотри ор ш ньк
буквы которые в нем находятся
ИВО
мсунных оставлены белыми Сам
ть с линейкой Ты легко можешь

Возвращение «детского» Хармса

Именно с возвращения Хармса как писателя детского началась его «литературная реабилитация» в СССР после реабилитации политической в 1960 году. До этого его имя было под запретом. И даже добрейший Самуил Яковлевич Маршак, который вместе с Н. Олейниковым и привлек в 1927 году Хармса и других обэриутов (А. Введенского, Н. Заболоцкого, Ю. Владимирова) в детскую литературу, вынужден был замалчивать его имя, публикуя написанные ими когда-то вместе стихотворения. Как, например, «Веселые чижи», создаваемые для первого номера открывавшегося в 1930-м в Ленинграде журнала для маленьких – «ЧИЖ». В 1948 году книжечка «Веселые чижи» с иллюстрациями Г. Карлова вышла за подписью: С. Маршак.

В адрес Маршака-редактора не раз высказывались претензии, связанные с переделкой текстов. Но это, увы, извечная проблема людей этой профессии, особенно тех, кто был не только редактором, но и талантливым автором. Хармс относился к правке спокойно, считая Маршака одним из своих учителей в детской литературе. Их всегда связывали теплые отношения и взаимовыручка: в делах житейских, творческих. И не только. Когда

зрело в недрах ОГПУ дело о вредительской деятельности в детской литературе, арестованный в 1931 году Хармс не сказал о Маршаке ни слова из того, чего так ждал допрашивающий его следователь. А творческая перекличка Маршака, лауреата Ленинской и четырех Сталинских премий, с погибшим в тюремной камере в дни ленинградской блокады Хармсом продолжалась еще долгие годы в книгах классика советской литературы для детей.

Передо мной чудом сохранившийся в нашей семье томик Маршака «Сказки. Песни. Загадки», изданный в 1960 году Детгизом. Стихотворение «Кораблик» в разделе переводов из английских народных песенок (кстати, истоки сюжета «Чижей» тоже в них):

Плывёт, плывёт кораблик,
Кораблик золотой,
Везёт, везёт подарки,
Подарки нам с тобой.
На палубе матросы
Свистят, снуют, спешат.
На палубе матросы –
Четырнадцать мышат...

А вот стихотворение 1940 года «Кораблик» завзятого англомана Даниила Хармса в одной из многих издаваемых сейчас его книжек:

По реке плывет кораблик,
Он плывет издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.
У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты.
И страшны им только кошки,
Только кошки да коты.

Храбрые мыши-матросы, как и веселые чижи, это отголоски счастливого сотворчества пишущих для детей авторов и издателей под крышей ленинградского Дома книги 1920–1930-х годов. И найти их можно множество. Например, подчеркнутое внимание к счёту и считалкам в детских стихах, которое было свойственно, кажется, и Хармсу (в большей степени), и Маршаку. Особенно почему-то к числу «четыре».

Логотип «Дом Книги» в Ленинграде

В их совместном творении о чижах:

*Жили в квартире **сорок четыре***
***Сорок четыре** веселых чижа...*

В «Миллионе» у Хармса:

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ ОТРЯД,
СОРОК МАЛЬЧИКОВ ПОДРЯД:
РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ,
И ЧЕТЫРЕЖДЫ ЧЕТЫРЕ,
И ЧЕТЫРЕ НА ЧЕТЫРЕ,
И ЕЩЕ ПОТОМ ЧЕТЫРЕ.

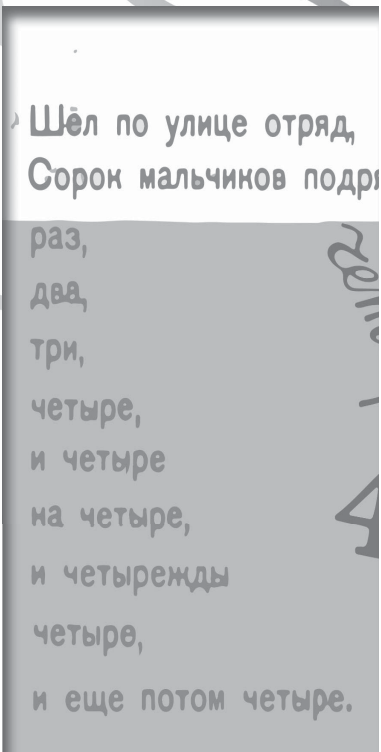
У Маршака в «Великане»:

*Раз, два, три, **четыре**,*
Начинается рассказ...

У Маршака же в «Угомоне»:

*Раз, два, три, **четыре**,*
Кто не спит у нас в квартире?

Счет должен был, подобно дирижерской «отмашке», задавать четырехстопный размер, чёткий и энергичный ритм стиха-считалки или стиха, под который легко шагать маршем (или бежать, у Хармса часто вообще «*все*

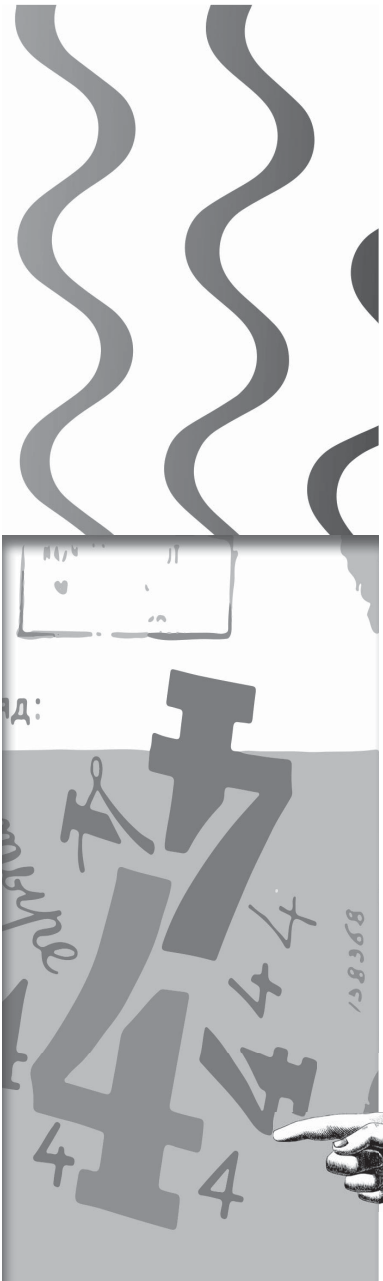

бегут, летят и скачут»). Вот такие игровые стихи, предполагающие действие, игру, и любили сочинять авторы детских журналов «Еж» и «Чиж». Они не сомневались, что только так и надо писать для детей. Они и сами писали для детей «играючи».

Уникальная творческая атмосфера, царившая в редакции на пятом этаже Дома книги в Ленинграде, была незабываемой для всех, кто хоть раз в неё окунался. Молодые авторы повести «Республика Шкид» Леонид Пантелеев и Григорий Белых навсегда запомнили день своего первого появления в детской редакции Дома книги. *«С трепетом мы вступаем на метлахские плитки длинного издательского коридора и вдруг видим,* – вспоминал много лет спустя Л. Пантелеев, – *навстречу нам бодро топают на четвереньках два взрослых дяди – один пышноволосый, кучерявый, другой – тонколицый, красивый, с гладко причесанными на косой пробор волосами. Несколько ошарашенные, мы прижимаемся к стене, чтобы пропустить эту странную пару, но четвероногие тоже останавливаются.*

– Вам что угодно, юноши? – обращается к нам кучерявый.

– Маршака... Олейникова... Шварца, – лепечем мы.

Фрагмент иллюстрации к книге «Миллион». 1930 г.

– Очень приятно... Олейников! – рекомендуется пышноволосый, поднимая для рукопожатия правую переднюю лапу.

– Шварц! – протягивает руку его товарищ» [1. С. 10–11][1].

Нет, на четвереньках там ходили не все и не всегда (а только когда играли «в верблюдов»...). Тут главное, что работа над созданием детского журнала была для его сотрудников не службой, а праздником. По воспоминаниям Николая Корнеевича Чуковского, «весь этот пятый этаж ежедневно и в течение всех служебных часов сотрясался от хохота». ...Ну понятно, ведь сочинялся веселый журнал. В этом праздничном настроении обсуждались планы будущих журнальных номеров, недостающая подпись к рисунку рождалась

[1] Ссылки на цитируемые издания даются в тексте в квадратных скобках, где первая цифра обозначает порядковый номер издания из Библиографии, помещенной в конце книги; вторая цифра – номера страниц.

в одно мгновенье, на заданную тему махом сочинялись с десяток вариантов текста.

Когда начиналось «возвращение» Даниила Хармса к читателям, среди первых публичных упоминаний о нем стали рассказы, устные и печатные, именно об этом удивительном месте в доме Зингера на Невском проспекте. В «Воспоминаниях о Заболоцком», выпущенных в 1977 году издательством «Советский писатель», были опубликованы рассказы мемуаристов, знавших Николая Алексеевича на разных этапах его судьбы. Напечатаны были и воспоминания об обэриутах, к которым принадлежал (хотя недолго и непросто) молодой Николай Заболоцкий, в будущем большой советской поэт, один из немногих обэриутов уцелевший. О них вспоминали Тамара Липавская, Лидия Гинзбург, Вениамин Каверин, Павел Антокольский, слушавший их с интересом, «близким к жгучему».

Рассказывая об одном из выступлений обэриутов, литературовед Николай Степанов писал: «*Наибольшее внимание привлекал Хармс. Даниил Иванович Хармс был в длинном клетчатом сюртуке, походя в нем на Жака Паганеля из «Детей капитана Гранта». Подчеркнуто серьезный и спокойный, Хармс держался с ошеломляющей чопорной вежливостью. На голове его была круглая шапочка, а на щеке нарисована зеленая собачка. Время от времени он брал со стола книгу и клал ее себе на голову или с необычайно серьезным видом прикладывал к носу палец. <...> На опустевшую эстраду двое служителей с большим трудом выдвинули огромный шкаф, на котором спокойно и неподвижно восседал Даниил Иванович Хармс.*

Хармс на балконе Дома Книги

Он громко прочел свои стихи, порою почти выпевая их:

КАК-ТО БАБУШКА МАХНУЛА
И ТОТЧАС ЖЕ ПАРОВОЗ
ДЕТЯМ ПОДАЛ И СКАЗАЛ
ПЕЙТЕ КАШУ И СУНДУК...

Стихотворение Хармса называлось «Чинарь-взиральник (случай на железной дороге)». Несмотря на отсутствие логической связи, можно было догадаться, что в нем речь шла о поездке в Грузию. Но что произошло с едущими на поезде детьми, оставалось неясным. Однако в стихах Хармса чувствовался юмор, смешная бессмыслица детской считалки». Рассказывал Степанов и о редакции журналов «Еж» и «Чиж», где Заболоцкий «сидел всегда какой-то подтянутый, корректный, лишь улыбаясь на шутки и проделки окружающих» [2. С. 86–107]. О литературном «клубе» Детгиза и о знаменитых редакционных подоконниках, где «кипела» журнальная жизнь, где царило веселое творчество, розыгрыши, импровизации, – вспоминали многие сотрудники, авторы и их дети, которые бывали в редакции.

С каким не просто интересом – нет, с радостью и чуть ли не завистью, едва веря в то, о чем рассказывали мемуаристы, читали